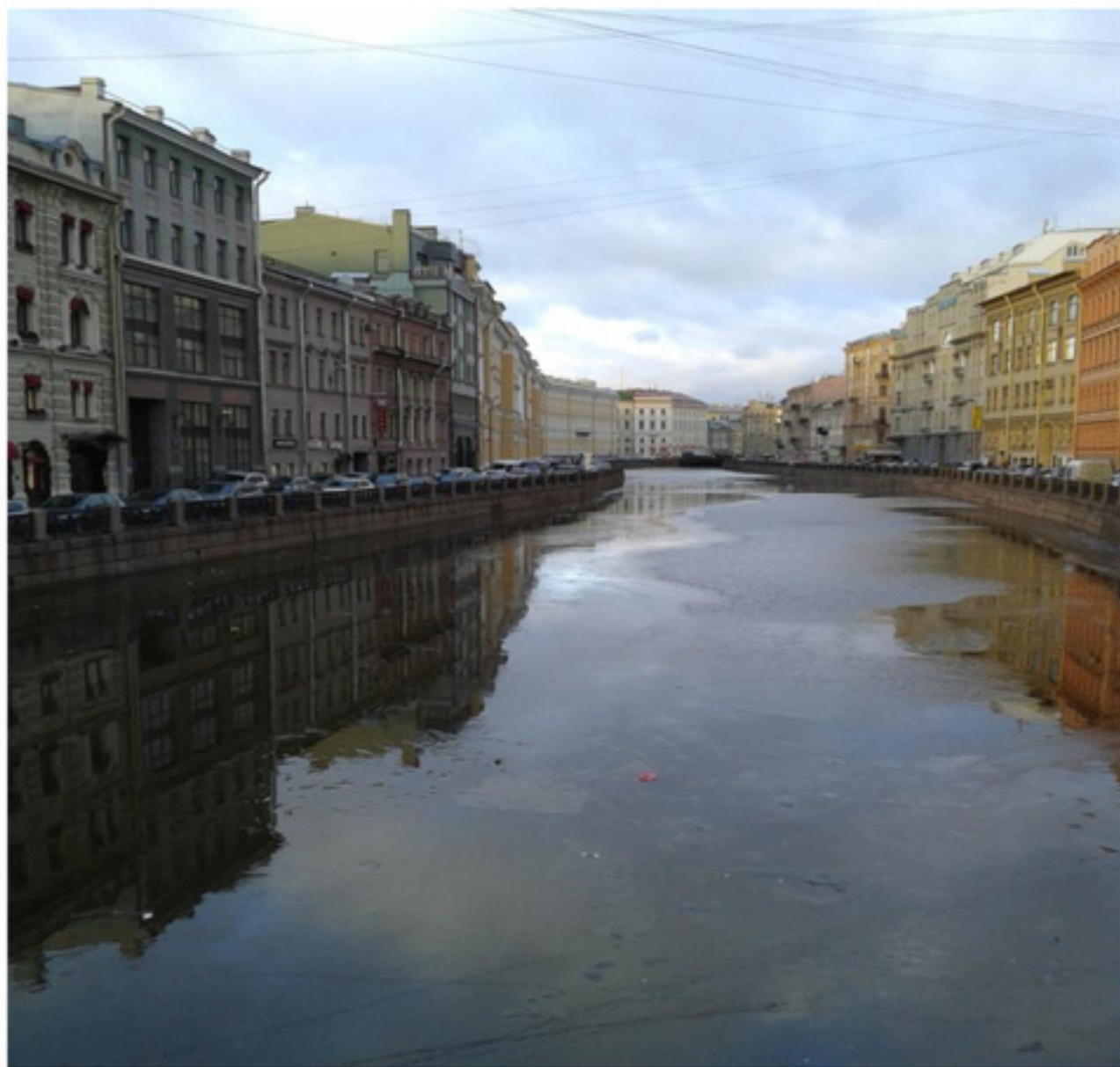


ГАРРИ БЕАР

***СТРАННЫЙ ДОМ, НИМФЕТКИ
И ДРУГИЕ ИСТОРИИ***

СБОРНИК РАННЕЙ ПРОЗЫ



Москва, 2014

Гарри Беар

**Странный дом, Нимфетки
и другие истории (сборник)**

«Автор»

2014

Беар Г.

Странный дом, Нимфетки и другие истории (сборник) / Г. Беар — «Автор», 2014

Книга прозы Гарри Беара «Странный дом, Нимфетки и другие истории» включает в себя пять произведений, созданных писателем в начале-середине 1990-х годов. Повесть «Странный Дом» выполнена в манере «готической новеллы», это та жанровая разновидность, которую успешно использовали классики жанра – Э. По, Э.Т. Гофман, А. Дюма. Рассказы «Смерть Музыканта» и «Поездка в Одессос» – вполне реалистические произведения с незамысловатыми сюжетами, но глубокое психологическое напряжение не оставляет читателя до самого конца повествования. Скандальный рассказ-моралите «Нимфетки» и эссе «Набакофф», по словам автора, представляют собой, наряду с романом «Альбатрос», взаимодополняющий друг друга текст по имени «Пост Модерн». В 2003 г. Г. Беар иронично заявляет в одном из своих комментариев к «Альбатросу»: «Перефразируя известные слова В. Соловьева, я любил повторять в то историческое время: „Постмодернизм! Хоть имя дико, но мне ласкает слух оно“». По словам челябинского поэта Ю. Попова, «...любой текст Гарри Беара раскрывается не сразу; он предполагает наличие в читателе определенного навыка распознавания культурного кода, диалога с автором». И данная книга предоставляет читателю возможность такого диалога.

© Беар Г., 2014

© Автор, 2014

Содержание

От автора	6
Странный дом	8
Предисловие	9
1. Завязка	10
2. Генрих Мерсье	12
3. Марк	14
4. Загадка картины	17
5. Княгиня дель Пьомбо	22
6. Искупление	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Гарри Беар
Странный дом, Нимфетки
и другие истории (сборник)

©ГАРРИ БЕАР, 2014

©И.Е. Медвецкий, 2014

От автора



Уважаемые читатели!

С большим удовольствием хочу предложить Вашему вниманию пять своих ранних произведений – рассказы «Смерть Музыканта», «Нимфетки» и «Поездка в Одессос», повесть «Странный Дом», эссе «Набакофф». Хотя с момента замысла текстов и их написания прошло довольно много времени (все они создавались в конце 1980-х и первой половине 1990-х гг.), я не раз возвращался к ним, внося стилистические и технические коррективы. Наверное, нет смысла комментировать сюжеты произведений, если Вы держите в руках эту книгу или смотрите на нее с экрана монитора Вашего компьютера. Думаю, Вы сами во всем сумеете разо-

браться и растолковать себе ситуации, в которых, по воле непреклонного автора, оказывались его персонажи.

Обратить Ваше внимание я хотел бы на несколько моментов. Повесть «Странный Дом», которая использована в названии этой книги, обычно не вызывает раздражения у читателя, она выполнена в манере «готической новеллы». Это та жанровая разновидность, которую успешно использовали в свое время классики жанра – Э. По, Э.Т. Гофман, А. Дюма, ранний Гоголь. Сюжеты рассказов «Смерть Музыканта» и «Поездка в Одессос», пожалуй, тоже не требуют особого пояснения, это реалистические произведения, сюжеты которых сообщала мне порой сама жизнь.

Другое дело – рассказ-моралите «Нимфетки» и эссе «Набакофф», которые представляют собой, наряду с первыми моими романами «Альбатрос» и «Олли, или Новая Лолита», взаимодополняющий друг друга текст по имени «*Пост Модерн*». Эти тексты принадлежат к пост-модернистскому периоду моего творчества, то есть несут в себе набор приемов, свойственных творческому методу, который в идеальном варианте был представлен в произведениях Д. Джойса, Ф. Кафки, В. Набокова, Х.-Л. Борхеса. И в «Нимфетках», и в «Альбатросе», и даже в эссе о Набокове присутствуют явные аллюзии на портреты и реплики героев классических текстов, и пародийное обыгрывание сюжетных ситуаций других произведений, и навязчивый автокомментарий, и «игра с читателем». В «Нимфетках» внимательный читатель сразу же почует острый запах «Тамани» М. Лермонтова, услышит отзвук песен Гриши Добросклонова из эпической поэмы Н. Некрасова, не говоря уж о прототипах героев из текстов, которые просто введены автокомментарием в рассказ.

В то далекое время я считал весьма принципиальным, чтобы читатель уподоблялся следопыту, который не просто пролистывает страницы моих произведений, а прямо погружается в иллюзию вновь создаваемой реальности, видя там все намеки, экивоки, подсказки и зеркальные отражения. Сейчас, конечно, я спокойней отношусь к одностороннему и поверхностному чтению произведений и даже к «обывательской» критике, которую всегда считал не вполне справедливой.

Тем не менее, моя надежда на **ВНИМАТЕЛЬНОГО** читателя не угасает, ибо читать художественный текст, не вникая в его суть, по-моему, это то же самое, что слушать классическую музыку, заткнув уши плотным слоем ваты, или смотреть современный игровой фильм, отключив в телевизоре всю его цветовую гамму, а заодно и звук.

В добрый путь, мой читатель! Всегда буду рад услышать твое объективное суждение. И да поможет тебе Бог...

Странный дом

«Есть вещи – очень странные, непонятные, которые едва ль поддаются логической проверке. Эти вещи порой составляют некую тайну, которую никогда не суждено раскрыть человеку...»

Из частного письма



Предисловие

Конец 16 века ознаменовался для Франции событиями, имевшими впоследствии огромное значение, как для развития нации, так и по отношению к веротерпимости, а, точнее, наоборот – нетерпимости к чужим взглядам. Это породило и стычки с гугенотами в 17 веке, и раскол в обществе в конце века 18-го, и наконец – Великую революцию 1789-94 гг. с последующими за ней наполеоновскими войнами, когда Франция была сначала буквально обескровлена, а затем и раздавлена при Ватерлоо армией союзников.

Черeda властителей, менявшихся на французском престоле, состояла как из гениальных (вроде Генриха 4-го, Ришелье, Людовика 14-го, Робеспьера, Наполеона), так и из посредственных людей. Но никто из них так и не сумел изменить дух соперничества и братоубийства, господствовавший во Франции с той самой кровавой драмы 1572 года. Варфоломеевская ночь – поворотный пункт французской истории, приказ Карла Девятого убивать собственных подданных такой же варварский акт, как и «взятие» Новгорода царем Иваном Грозным. Нация всегда платит по счетам своих правителей, это логика жизни сообществ людей.

Описываемые ниже события, которые произошли несколько позже злосчастного 1572 года в средневековом Париже, интересуют нас, однако, совершенно другим своим аспектом.

1. Завязка

В это самое время в разгаре была «война трех Генрихов» (действующего короля Генриха Третьего, Беарнца, который вскоре станет Генрихом Четвертым, и герцога Генриха де Гиза). Лигёры чувствовали себя в Париже почти хозяевами, но восстание 1588 года еще не произошло, хотя гугенотам было весьма несладко и без этого. В то время, когда каждый добрый парижанин был озабочен выяснением религиозной принадлежности своего соседа больше, чем содержимым собственной кастрюли, и произошли эти, правдиво описанные здесь события. За их подлинность ручаться столь же трудно, как и за пресловутый «план крепости» канцлера Бирага, но читатель должен верить нам, ибо вера это единственное, пожалуй, что на сегодняшний день серьезно отличает еще человека разумного от животного.

Итак, в Париже на весьма известной улице Могильщиков в одном старом, крепко заколоченном доме, давно не имевшем постояльцев, стали происходить странные вещи. После полуночи, когда едва затихал последний удар колокола на Нотр Дам, в доме вдруг начинали раздаваться громкие голоса, слышалось девичье пение, смех и даже ругань. Добрые католики, жившие по соседству, обвиняли во всем «проклятых гугенотов», вооружались и два раза делали попытки проникнуть в дом. Дважды их останавливала ночная стража этого парижского округа, а затем сам начальник стражи, гроза местных мошенников и сводниц, Армон Кобаль решил разобраться в происходящем... В одну из ночей он вместе со своим немногочисленным отрядом, поддерживаемым с улицы толпой несносных бездельников, взломал двери странного дома и проник внутрь... Однако, к явному разочарованию зевак, вместо ожидаемого притона стражники не обнаружили решительно ни одной живой души в комнатах, ни хотя бы одной вразумительной причины тех загадочных звуков, которые раздавались здесь.

Дом состоял из двух этажей, мансарды и глубокого погреба, который также тщательно был исследован, но все без результата. Первый этаж занимали три или четыре комнаты, уставленные мебелью времен Генриха Второго, под влиянием сырости пришедшие в негодность и чудом не развалившиеся. Стены дома были голы, как и подобает стенам давно оставленного дома, кое-где отвалилась штукатурка, были видны деревянные перекрытия. На полу лежал толстый слой пыли, кое-где пересеченный отпечатками кошачьих лапок; более ничего интересного на первом этаже не было. Второй этаж полностью был занят одной огромной залой, которая, вероятно, служила прежним жильцам и гостиной, и столовой. В центре ее располагался большой обеденный стол, несколько поодаль – пять старых продавленных кресел и некогда роскошный диван с сильно потемневшей от времени и сырости обивкой. Стены были украшены гобеленами, которые кое-где уже отделились и беспомощно качались, не имея силы оторваться полностью. Пыли тут тоже хватало, хотя воздух был намного свежее, чем внизу, очевидно, за счет близости крыши.

Мансарда была куда интересней: как попало, сваленная рухлядь перемежалась деревянными ящиками, наполненными весьма любопытными вещицами, о назначении которых даже сам Кобаль не мог сказать ничего определенного, и старыми холстами, количество коих говорило о направлении интересов прежнего хозяина дома. Впрочем, весьма трудно было сказать о качестве этих картин – некоторые из них совсем выцвели и потемнели, другие не произвели большого впечатления на умудренных стражников. Таково было все небогатое содержимое странного дома. После обыска таинственные голоса не раздавались в доме с неделю, а затем возобновились с новой силой. Местный житель Анри Дейе, не убоившись свернуть себе шею, забрался на крышу и попытался заглянуть внутрь дома через окно мансарды, но ничего интересного не увидел. Вызванный жителями Кобаль еще раз осмотрел дом и, не найдя никаких изменений, заметил, что за следующий вызов он сдерет с беспокойных соседей по золотому

экую, а тот, кто ему не заплатит, будет лишен своей шкуры... Зная немирный нрав королевских охранников, жители, проживавшие вблизи проклятого дома, несколько угомонились.

Некий Блатье наговорил всем про Кобаля, что тот заедается с протестантами и прикрывает их сборища в доме, а потому ничего не хочет делать. Слухи бродили по округу с неделю, но все закончилось миром: Кобаль помирился с лигёрами и сказал, что после короля вторым человеком в Париже для него является герцог де Гиз. Болтливый Блатье не менее таинственно исчез, уйдя днем навестить своего родственника, жившего в Сен-Дени, и больше не явившись... Ну а добропорядочные парижане свыклись с говорящим по ночам домом и не строили более никаких грозных планов на его счет.

Прежде дом принадлежал небогатому, но знатному шевалье де М..., тот бывал в Париже больше по делам и редко останавливался здесь больше чем на две недели. За домом присматривал его человек, которого соседи почти не запомнили, так как он редко показывался на общих сборищах. Соседи искренне подозревали в нем лютеранина, но до августа 1572-го это еще не было преступлением. Месяца за два до знаменитого события де М... скончался в своем поместье и не смог прибыть на свадьбу Генриха Наваррского и Маргариты Валуа. События Варфоломеевской ночи стерли из памяти соседей таинственное исчезновение слуги шевалье; говорили, что видели его труп, который грузили на повозку после кровавой бойни, но вообще-то тогда многое видели... Одним словом, не дождавшись появления законного наследника, городские власти совсем уж было вознамерились объявить дом муниципальной собственностью, но... Один очень влиятельный человек сообщил в городскую магистратуру о неоспоримых правах на данный дом, чиновники получили свое, и дом перешел в собственность весьма знатной особе.

Особа осмотрела дом достаточно внимательно, но нашла наилучший, очевидно, вариант жительство: дом заколотили досками и заперли на крепкий замок. Именно с тех пор странный дом и стал причиной головной боли соседей, чьи домишки были рядом, и ночной стражи округа. Так прошло несколько лет, произошло много событий: умер Карл Девятый, Беарнец на время вернулся в Наварру, Гизы плели сети против короля, неожиданно скончался во цвете лет Франсуа Анжуйский. Голоса в странном доме раздавались, мещане трусливо вздрагивали в своих теплых постелях, а парижские власти, как им и положено, бездействовали. *Telle est la vie!*

2. Генрих Мерсье

Генрих Мерсье, барон де Г., высокий худой человек лет сорока, с зелеными кошачьими глазами и короткой эспаньолкой, проснулся после короткого сна и нехотя потянулся в старинных креслах. Было пять часов пополудни серого ноябрьского дня 158... года. Барон быстро встал и подошел к окну: уже стемнело, и торговцы с лотков спешили свернуть свою нехитрую торговлю, строительные рабочие возвращались домой, где-то слышался голос паписта, призывавшего честных католиков вступать в Священную Лигу. Генрих зевнул и неторопливо прошелся по комнате. Уже довольно длительное время он почти не выходил из дому, иначе как по необходимости. Жизнь представлялась ему мрачным обрядом, который следовало прекратить, как можно скорее.

Войдя в следующую комнату, которая служила ему библиотекой, барон подошел к полкам, густо уставленным старинными фолиантами, и провел рукой по книгам. Он давно уже не читал, так как помнил многие книги на память; ему было достаточно припомнить обложку книги, и все страницы, одна за другой, проходили в его сознании. В последнее время барону очень часто приходилось смотреть манускрипт, который и занимал все его воображение. Черная кошка подошла к ногам своего хозяина и важно потерлась о них, барон нагнулся, чтобы погладить, но она убежала. Мерсье вздохнул и вернулся в залу. Набив табаком трубку, он закурил и вновь задумался. *«Мне кажется, что я еще никогда не был так близок к разгадке... Какие-то смутные знаки... Не пойдя туда, ничего не узнаешь! Как это сделать?»* – размышлял барон. – *Мой Джоб, конечно, найдет его, это не трудно, но захочет ли тот пойти? А главное – сможет ли взять э т о?»*

Через час входная дверь заскрипела, послышался звонкий голос пришедшего слуги: «Мсье, вы уже дома?». И двадцатилетний Джоб Морелли, уроженец Флоренции, буквально впорхнул в комнату, где сидел барон, с корзиной закупленных припасов. «Спорю на пистоль, господин, что Вы не выходили из дому все это время?». Мерсье повернул голову на слова слуги, кивнул, но ничего не ответил. Решив, что хозяину не до него, Джоб отчитался о произведенных затратах и попросил разрешения идти готовить обед. Барон важно кивнул, и слуга-итальянец деловито удалился.

...Когда ужин был закончен, барон де Г. пригласил слугу к себе и вкрадчиво спросил его:

– Так ты выяснил, где живет этот человек?

– Месье Марк работает в лавке Плутувье у самых ворот Сен-Дени, там будет проще всего встретить его.

– А его самого ты видел?

– Видел, мсье! Я даже кое-что купил у него сегодня, – улыбнулся Джоб, показывая, что на него можно всецело рассчитывать.

– И что же? Как он? – барон явно волновался. – Я имею в виду внешность Марка.

– Внешность? – итальянец задумался и даже пододвинул свечу, словно ее тусклый свет мог напомнить ему лицо Марка. – Самая обыкновенная: он высок, нескладен, похож на людей его нации, на вид ему лет двадцать или чуть больше. Да, мсье, еще говорят, что он незаконный сын богатого флорентийского купца, недавно умершего.

– Вероятно, это он, – сказал Мерсье. – Как можно быстрее тебе нужно сойтись с ним поближе! Ясно?

– Это потребует некоторых расходов, хозяин, – заметил Джоб и погладил свой животик, весьма объемный для его лет. – А Вы платите мне...

– Понятно! – барон остановил его жестом. – Тебе будет дано тридцать, даже сорок экю, постарайся их правильно использовать.

– Этого нам вполне хватит!

– Марк будет нужен мне здесь, нужен – к середине декабря...

– Все будет сделано, хозяин! – заверил его Джоб.

– Что же, тогда хорошо... – Мерсье налил себе вина и выпил почти полный бокал.

Джоб осведомился, может ли он уйти. Не получив четкого ответа, он решил, что получил ответ положительный, и удалился к себе. Барон де Г. просидел в креслах до полуночи, очевидно, что-то обдумывая и сопоставляя. Опустившаяся ноябрьская ночь совершенно скрыла от нас эту картину.

3. Марк

Марк Рапок не принадлежал к числу богатых парижан недворянского происхождения, и даже люди со средним достатком глядели на него с презрением... Хотя Марк был ни много ни мало единственным сыном знаменитого торговца тканями Баруха Рапока, основавшего свое дело еще в 1538 году и умершего незадолго до описываемых здесь событий. Флорентинец по происхождению, Рапок так же отличался в делах торговых, как и слыл неудачником в делах амурных. Первая его жена, красавица Дезире, сбежала от своего богатого, но скучного мужа с каким-то рейтаром, прихватив на память десяток лучших драгоценных камней мсье Баруха. Это обстоятельство так сильно подействовало на торговца, что он не хотел жениться долгие двадцать лет, несмотря на настойчивые уговоры своих собратьев по вере.

Наконец, опасность остаться без наследника пересилила стыд, который он до сих пор ощущал, и Барух женился на католичке, но уже не столь молодой даме из обедневшего дворянского рода. Брак также не был удачным, но принес единственное утешение в лице сына, которого окрестили в Соборе Парижской богородицы и которого Барух назвал в честь известного евангелиста. Торговец надеялся, что перемена веры пойдет на пользу и наследнику, и всему его делу. Однако жизнь сильно изменила его добрые планы. Рано оставшись без матери и пользуясь благорасположением отца, который к тому же часто уезжал из Парижа по торговым делам, Марк рос в атмосфере потворства, как его добрым начинаниям, так и низменным, кои в нем преобладали. Вокруг него с детства вились люди, которые, стремясь добиться расположения мсье Баруха, задабривали Марка подарками и всячески его превозносили. Успехи, которые он показывал в овладении некоторыми науками, были достаточно скромны, но клиенты отца раздували их до небес.

Созрев физически, Марк проявил интерес к окружавшим его служанкам, но добрые приятели тут же подсунили ему опытную в подобных делах женщину, которая тянула с него деньги и подарки за свои нехитрые услуги. Втянув Марка в одну грязную историю в кабачке на улице Феру, приятели убедили его сесть за карточный стол, чтобы расплатиться. Опытные шулера вмиг очистили карманы Марка, к тому же он проиграл еще в долг около пятисот пистолей. Взбешенный крупным проигрышем, Рапок-старший отослал сына на несколько месяцев к родственникам в Италию. Однако, вернувшись, Марк снова попал в объятия «добрых друзей» и потасканных куртизанок. Все это закончилось однажды весьма печально.

В один из вечеров Барух призвал сына к себе и объявил ему, что, если Марк всерьез не займется его делом, делом торговли, то он, Барух Рапок, клянется Всевышним лишить его наследства и всяческой отцовской помощи! Марк довольно нагло заметил, что с помощью своих влиятельных друзей он в любом случае получит свою долю! Барух в порыве гнева проклял сына и прогнал его вон. На беду Марка в это время у них в доме гостил один из родственников по имени Биньямин, и тот быстро уразумел выгоду такого положения. У Баруха, кроме Марка, не было детей, зато были многочисленные племянники – дети трех его братьев. Биньямин уговорил старого Баруха примерно поучить Марка и составить завещание, по которому все его богатство переходило к этим родичам. Смиранный прежде, Рапок, не помня себя от гнева, завещание составил, надеясь хотя бы этим образумить сына. Но сие обстоятельство только раззадорило Марка и его гнусных приятелей: произошел скандал, после которого примирение между отцом и сыном стало почти невозможным...

Клиенты Баруха немедля приняли его сторону, и тот щедрый кредит, которым Марк пользовался прежде у лавочников и кабатчиков, был закончен. Почувствовав это, «добрые приятели» Марка потихоньку стали избегать его. А когда деньги отца, бывшие у Марка, кончились вовсе, он впервые понял, что такое нужда и одиночество. Возможно, Барух и принял бы своего блудного сына и извинил бы его молодость, но тут пришла Она, самая могущественная,

самая непреклонная, самая... словом, Барух Рапок умер. Все его лавки, ткани, нажитые драгоценности и деньги разошлись по его многочисленной еврейской родне, заполонившей собою весь мир, как выразился бы арабский историк. Марк Рапок, в свои двадцать лет привыкший к деньгам и почету, мигом остался ни с чем.

Добрые родственники, похоронив Баруха, оставили Марку лишь старый отцовский дом с кое-какой мебелью, немного денег да самые худшие ткани для собственных начинаний. Марк несколько оторопел... Жизнь и людские страсти впервые обратились против него, к чему он не был подготовлен. Он, правда, смутно помнил события той августовской ночи 1572 года, когда он был еще ребенком, те крики о помощи убиваемых на улице людей, ту суету в доме и тот страх, который охватил тогда весь квартал... Но тогда рядом находился его отец, заблаговременно откупившийся от погрома, были с ним и верные слуги, вооруженные аркебузами... Теперь же он был совсем один, к тому же презираемый и всеми покинутый. Марк оказался никудышным торговцем, он по дешёвке спустил оставленные ему ткани, продал отцовский дом за сущий бесценок и вскоре оказался в Париже совсем без гроша.

Лишь один из старых друзей его отца некий Жан Плутовье, за глаза прозываемый меж купцами Жаном В...ком, держатель трех лавок, предложил Марку настоящую помощь. Он дал ему место приказчика в самой скромной из своих лавок у ворот Сен-Дени, где покупателями были обычно небогатые люди. Рапок попробовал было и здесь ставить свои условия, но Плутовье лишь ласково потрепал его по плечу и на ушко сказал: «Еще одно непочтительное слово, и вон – на улицу! Говорят, нищие на паперти хорошо собирают?». Марк смирился и стал заниматься именно тем занятием, которое прежде так презирал. Рапок с трудом привыкал к своей новой скучной жизни: с раннего утра он уже шел на работу в лавку, раскладывал товары, сверялся с ценами, просматривал задолженности клиентов. Весь день он работал, не покладая рук, а вечером, сдав выручку хозяину или его законному сыну, сворачивал товары, проверял счета и, наконец, возвращался домой. Денег, которые платил ему новый хозяин, едва покрывали расходы на жилье и еду. Даже бутылку вина он не каждую неделю мог себе позволить... Марк часто гулял по тем местам Парижа, где он помнил себя богатым и известным. Иногда он встречал своих прежних знакомых и тех, кто называл себя его друзьями, но они в упор не узнавали Марка или не хотели видеть его. Прежних нарядных куртизанок заменила ему теперь дочь бедной лавочницы, которая за умеренную плату позволяла приказчику ласкать ее и даже погружаться в свое вместительное, хотя и дурно пахнущее лоно. Что было делать? Рапок не знал и не хотел даже думать о будущем.

Как-то Марк познакомился с одним славным парнем по имени Джоб, тот представился уроженцем Флоренции, и они разговорились. Молодым людям вообще свойственно быстро находить приятность в совместных попойках. Два похода по злачным местам, когда Джоб широким жестом швырял налево и направо золотые экю, сделали Марка и Джоба закадычными приятелями. К тому же оба они были католики, но оба не приветствовали поползновений лигеров Генриха де Гиза на высшую власть в стране. Это еще больше сблизило их. Теперь часто в конце недели Джоб заходил к Марку в лавку, помогал ему сложить товар, и они шли веселиться или прогуливались по Торговой галерее, задевая разряженных мещаночек и симпатичных субреток. Один раз они даже нарвались на пьяного мушкетера, и Марк едва не отведал острия его шпаги за неудачную остроуту. Шустрый Джоб, однако, сумел приглубить пьяницу поленом, и приятели в тот раз дешево отделались.

В середине декабря Джоб достаточно неожиданно пригласил Марка отобедать у него. До этого они иногда собирались в комнатухе Рапока, но ни разу Джоб не осмеливался пригласить торговца к себе, ссылаясь на строгие правила хозяина. Теперь же Морелли объяснил Марку, что его хозяин уезжает на пару дней, и они могут провести нескучный вечер в его шикарном доме на улице Могильщиков. Марк, не будучи человеком рассудительным, сразу поверил новообретенному другу, и они договорились на семнадцатое число.

Генрих Мерсье был весьма доволен своим расторопным слугой.

4. Загадка картины

В этот год зима в Париже выдалась довольно суровой, хотя иногда случались и оттепели. Генрих Мерсье довольно быстро шел к дому на улице Могильщиков, так как от той улицы, где он жил, до этого района города было приличное расстояние. Почти никто не попадался ему навстречу, так как совсем недавно часы на башне пробили одиннадцать ночи... Идти было все же приятно: снег хрустел под ногами, фонари освещали центральные улицы довольно скупо, придавая им таинственный вид. До назначенного времени, когда Мерсье должен был встретиться с Джобом и Марком у странного дома, оставалось минут двадцать. Чтобы не ждать долго перед домом, барон замедлил шаги. Он вновь задумался о предстоящем деле: «Маркус! Его имя было в гороскопе... Только он может взять ее, только он... Что же, надеемся на удачу!». Оставалось немного.

Барон совсем остановился. Перед ним – начало улицы Старой голубятни, место не слишком безопасное для ночных прогулок. На противоположной стороне улицы за бароном уже давно следили две пары острых глаз... Злые языки говорили, что сами дворяне, проживавшие здесь, поистратившись в кабаках, иногда не прочь были присвоить себе чужой кошелек или богатую одежду зазевавшегося прохожего. И хотя это очень было похоже на грязные сплетни лакеев, такое мнение было весьма распространено среди парижан в те давние годы. И так, как мы уже заметили, две пары острых глаз следили за бароном де Г..., а он и не думал об опасности.

Когда Мерсье, одетый в дорогой теплый камзол и длинный плащ, наконец приблизился к переулку, позволявшему сократить путь до дома на улице Могильщиков, его остановили. Невысокий человек в низко надвинутой шляпе подошел и вежливо осведомился у барона, куда он следует. Мерсье, не давая себе труда отвечать, попробовал продолжить свой путь, но человек грубо схватил его за плечо. Тогда Мерсье, не вдаваясь в объяснения, отскочил в сторону и обнажил свою внушительных размеров шпагу. Человек что-то крикнул и также отскочил. Лишь чудо и реакция Мерсье, закаленного в сражениях, спасли ему жизнь. Он, понимая, что выстрел неизбежен, упал на землю, и пуля расплющилась о стену дома, возле которого он только что стоял. Не медля ни минуты, барон подскочил к низенькому человеку, лихорадочно возившемуся с пистолетом, и, сделав выпад, проткнул его насквозь.

Второй вор, видя конец приятеля, не стал тратить время на аркебузу, из которой он выстрелил, и выхватил короткую шпагу. Мерсье бросился на него, больше опасаясь за исход дела, намеченного им, чем за свою жизнь. Но и вор, очевидно, неплохо владел этим оружием: убить его сразу барон не смог. Два быстрых выпада незнакомец отбил как заправский дуэлянт. Завязалась настоящая битва... Все выпады Мерсье незнакомец парировал, а вскоре и сам стал теснить барона к темному переулку. Тогда Генрих, не прекращая фехтовать, левой рукой осторожно расстегнул ножны с кинжалом и, когда вор немного замешкался, выхватил его. Очевидно, незнакомец понял его намерения, что-то негодуяще прокричал, но было уже поздно. Мерсье метнул кинжал и, когда вор попытался отбить его шпагой, сделал длинный выпад и поразил противника точно в сердце. Незнакомец, обливаясь кровью, свалился замертво. Барон быстро подошел к нападавшему, содрал маску и взгляделся в лицо нападавшего: оно почему-то показалось ему знакомым. Но вспоминать, кто перед ним, не было времени.

Барон вытер шагу о плащ убитого, поднял кинжал и вернулся к первому из воров. Тот, очевидно, не был сражен бароном наповал, громко дышал и даже постанывал. Видя, что вор без сознания, Мерсье оттащил его в темный переулок, куда позже перенес и труп второго нападавшего. Затем, убедившись, что обнаружить их здесь смогут только утром, Мерсье продолжил свой путь, так как времени до встречи с Марком оставалось немного.

На улице Могильщиков полночь и тишина. Барон де Г..., не спеша прогуливался возле дома, ожидая своего слугу и Марка Рапока. Они несколько опаздывали, и это очень раздражало пунктуального Мерсье. Было холодно, а случай с ворами напомнил о том, что и небезопасно. К тому же Мерсье опасался, что хитроумный торговец что-нибудь заподозрит и пойдет ночью сюда. Наконец послышались шаги на противоположном конце улицы, барон отошел в тень и замер, слившись с тенью.

– Так, где же ваш дом? – своеобразные интонации голоса Марка говорил о том, что друзья перед приходом сюда порядочно нагрузились. – Ну где же он, я тебя спрашиваю...

– Сейчас увидишь... Где же, где ж он? – Джоб озирался по сторонам, так как до этого бывал здесь только днем и теперь боялся ошибиться в темноте.

– Ты что же не знаешь, где живешь? – Марк, несмотря на хмель, стал проявлять беспокойство. Какое-то чувство говорило ему, что являться сюда вовсе не следовало, и теперь он жалел, что послушался своего недавнего знакомца.

– Да не кричи ты, осел! – ругнулся итальянец. – Хозяин не велел...

– Разве твой хозяин дома? Да ведь ты говорил... – Марк похолодел и остановился в двадцати шагах от странного дома. – Ты ведь говорил, что он уехал надол... Что мы можем попробовать знатный херес...

– Доброй ночи, друзья! – барон быстро вышел из своего укрытия, чем изрядно перепугал обоих.

– Доброй ночи, хозяин! – приветствовал его слуга, на всякий случай прихватив Марка за рукав плаща.

– Здравсте, – пролепетал и Марк, сквозь хмель осознавший, что попал в какую-то весьма неприятную ситуацию.

– Ничего плохого мы вам не сделаем, мсье Рапок, – твердо сказал барон. – Я попрошу вас всего об одной услуге.

– Услуге? Ну уж нет, – взревел напуганный Марк, плохо понимая, однако, что же ему делать. Барон развел руки.

– Если Вы откажетесь, любезный, я буду вынужден убить Вас прямо здесь и сейчас!

– Но, мсье, я ведь... – Рапок от страха чуть не сложился пополам. Он заметил длинную шпагу Мерсье, да и Джоб за спиной таил в себе не меньшую угрозу. – Что плохого я, несчастный еврей, мог Вам сделать?

– Не бойтесь, Марк! – тихо сказал Джоб. – Дело в том, что нужно зайти в этот дом и просто кое-что взять там. Только и всего!

– Но что же? – Рапок немного стал приходить в себя и понимать, что убивать его, как будто, никто не собирается.

– Прохладно стало. Зайдем, пожалуй, в дом, – Мерсье приблизился к друзьям и кивнул Джобу. Тот, крепко взяв Марка сзади за локти, сильно подтолкнул его к странному дому.

Сопrotивляться не было возможности, и Марк покорился неизбежному. Барон быстро открыл двери своим ключом и снял доски, которые едва держались на дверях. По слою пыли на полу Рапок вмиг понял, что дом необитаем, и решил, что его нагло используют для кражи. Он резко оттолкнул Джоба, крикнул и даже сделал попытку бежать... Но ноги не слушались подвыпившего Марка, скоро он был настигнут, получил от Джоба два хороших пинка в бок и волоком был водворен в дом. Двери барон быстро захлопнул, и герои очутились в пустом и темном помещении.

Мерсье достал свечи и вставил их в подсвечники, которые как будто специально стояли на тумбочке у входной двери. Нижний этаж дома осветился тусклым светом.

– Ты напрасно пробовал убежать, Марк! – Мерсье был на редкость собран и суров. – Впрочем, ты иудей, не так ли?

– Я с рождения католик, милорд... – нехотя промямлил Рапок.

– Впрочем, это напрямую не относится к делу...

– Успокойся, Марк! – подбодрил его Джоб. – Я никогда не привел бы тебя сюда, если б думал...

– Заткнись, предатель! – с перекошенным лицом обернулся к Морелли его бывший собутыльник.

– Пойдем, – и барон со свечой направился вглубь дома. Марк, подталкиваемый сзади Джобом, нехотя следовал за Мерсье. Часы на башне мерно пробили полпервого ночи.

Подойдя к лестнице, ведущей на второй этаж дома, барон де Г. в некотором сомнении остановился. Замерли и Марк с Джобом.

– Дальше, *Марк*, ты пойдешь один.

– Однако, милорд! – Марк побледнел. – Я совсем не знаю этого места... И почему нужно это «что-то» брать именно ночью, а не завтра утром?

– Именно сегодня и сейчас это проще всего сделать! – задумчиво протянул Мерсье. – Ни я, ни мой слуга не сможем сделать это.

– Но почему же ночью? – продолжал гнусить Марк.

– Ты поднимешься по лестнице, – продолжил барон, не ответив на реплику. – Там будет большая зала; проходя по ней, ты можешь ... что-то увидеть! Не придавай этому никакого значения – это лишь призраки, тени прошлого. В конце залы будет лестница наверх, ты поднимешься по ней и... – Мерсье впал в задумчивость. – Помни, что в доме сейчас только три живых существа, это мы! Не поддавайся страху, иначе погибнешь.

– Погибну, милорд? – Марк бессильно опустил на пол возле барона. Джоб помог ему встать, хотя и у него стали возникать сомнения.

– Итак, Марк, на чердаке ты увидишь несколько ящиков. Выбери тот из них, на котором нарисован этот крест, – Мерсье вытащил лист бумаги и показал его Рапоку. – Ты откроешь найденный ящик и достанешь из него картину. Это старый холст, на нем изображена одна знатная инфанта... Впрочем, в ящике только это и будет. Понятно? Ступай же...

– Ступать, милорд? Куда? И зачем мне все это надо, – Марка прямо трясло от страха. Мерсье стал раздражаться:

– За все дело, ублюдок, ты получишь от меня восемьдесят, даже сто пистолей!

– Нет, мсье! Я решил, что я никуда не пойду, – сказал Рапок и попытался снова сесть на пол.

– Что ж, тогда здесь останутся только д в о е! – вскричал разгневанный барон и, выхватив шпагу, приставил ее острие к горлу Рапока.

– Ах, осторожней! – Рапок отскочил назад и что-то опрокинул. – Я иду, милорд, иду... Однако, как же там я пройду, без света?

– Там будет светло! – улыбнувшись, заметил Мерсье. От этого замечания волосы на голове Рапока зашевелились. – Иди же, Марк! Мы с нетерпением будем ждать...

– Иди! за такую нехитрую работенку аж восемьсот ливров! – подключился и Джоб, страстно желавший оказаться теперь как можно дальше отсюда.

– Сто пистолей? – вдруг вымолвил Рапок, поглядев на барона.

– Сто, – барон строго посмотрел на торговца. – Тебе уже было сказано! Иди и сделай все, как нужно!

Вздыхая и часто крестясь, Рапок полез наверх, поминутно останавливаясь и глядя вниз. Вскоре он скрылся из виду. Джоб присел на какую-то тумбу, стоявшую подле, Мерсье, сильно переживая, застыл неподвижно. Часы на городской башне пробили только один раз. Попав на второй этаж странного дома, Марк огляделся. Его глаза уже несколько привыкли к темноте, и он различил в глубине залы огромный обеденный стол с стоящими рядом высокими старинными креслами.

Решив, что это не столь уж страшное зрелище, Рапок сделал несколько шагов по направлению к лестнице на мансарду, видневшейся в конце зала. И вдруг, о ужас! Марк ясно увидел в темноте сидящего за столом человека, который, казалось, только что очнулся от сна и с изумлением смотрел на приближавшегося человека. Марк в ужасе остановился и сделал глубокий поклон, проклиная на чем свет стоит завравшегося барона. Человек же, казалось, без особой причины стал раздражаться, кричать... и вот он уже стоит во весь свой огромный рост и вот-вот обрушится на незваного гостя! Рапок отскочил к стене и в ужасе зажмурился...

Прошло несколько минут, тишина дома ничем не нарушалась. Марк осмелел и открыл глаза. Никакого человека не было, но не было ни стола, ни стульев, ни самого дома... Вместо этого Рапок узрел небольшое озеро в нескольких шагах от себя. Он ясно видел сверкающие каких-то маячков на нем, слышал плеск воды и шуршание камышей. Потянуло сыростью, подул легкий ветерок... Рапок решил, что сходит с ума, и вновь зажмурился. Когда он открыл глаза, видение не пропало, но дополнилось новыми деталями. Яркие молнии озарили противоположный берег, и Марк различил на нем какое-то мельтешение. Он не был точно уверен, но ему показалось, что он заметил бегающих по берегу обнаженных людей и еще что-то... И вдруг от берега отделились две огромные фигуры и быстро заскользили по воде в направлении Марка. Они приближались стремительно, и Рапок с ужасом узрел, что это зелено-рыжие драконы, раскрывшие свои окровавленные пасти с огромными белыми зубами. Казалось, что они только что закончили страшный ужин и еще не успели облизаться, как следует. Рапок заорал и бросился бежать, но больно ударился о стену и, взвизгнув, свалился на пол.

Когда он очнулся, тишина в доме нарушалась лишь покашливанием Мерсье, которое доносилось откуда-то снизу. Марк приподнялся и увидел, что находится в двух шагах от лестницы, ведущей с первого этажа на второй. Между тем часы пробили то ли полвторого, то ли два часа ночи, нужно было спешить... Рассчитав расстояние до противоположного конца зала, Марк зажмурился и кинулся бежать. Когда он мчался, он слышал завывания ветра, крики о пощаде и женские призывные голоса, но он не остановился, пока не ударился о стену... Оглядевшись, он убедился, что почти достиг своей цели. Прямо перед ним была винтовая лестница, ведущая на мансарду. Оглядевшись, насколько было возможно, Рапок полез наверх.

Мансарда, безусловно, была самой замечательной комнатой странного дома. Свет, просочившийся неизвестно откуда, заливал ее со всех сторон. По стенам висели прекрасные картины: казалось, все мастера прошлого устроили здесь свою небывалую выставку... В центре комнаты стоял мольберт с незавершенной картиной и разбросанными рядом кистями и красками. Рядом располагался богато сервированный стол на две персоны, которые, казалось, только что оставили свою трапезу... Пол был застелен дорогими коврами. Марк поразился, как все это может находиться внутри необитаемого дома? Какие-то сомнения, воспоминания о слышанных им неприятных историях вновь полезли ему в голову. Наконец, Марк вспомнил о цели своего визита и заторопился. Несколько ящиков стояли в самом дальнем углу комнаты, он направился к ним, попутно разглядывая картины.

На одной из них был изображен сухой желчный старик с пронзительным взором карих глаз. Марк встретился с ним глазами и остолбенел; глаза на портрете смотрели вполне осмысленно и жили независимо от холста. Чтобы избавиться от этого ощущения, Рапок посмотрел на соседнюю картину. Прекрасная дама лет двадцати глядела на него оттуда, она была прекрасно сложена, по одежде ее можно было принять за даму самого высшего света. Ее голубые с поволокой глаза смотрели, хотя и упрямо, но довольно нежно. Марк дошел до ящиков и глянул на картину, висевшую над ними. Это было зрелище Страшного суда: казнь грешников была выписана так натурально, что бедный еврей поспешил отвести свой взор.

Рассмотрев ящики, Марк быстро отличил нужный ему: на ящике был огромный красный крест, концы которого продолжались далее под прямым углом. Рапок припомнил, что он уже где-то видел его раньше. На каких-то индийских товарах или... Впрочем, размышлять было

особенно некогда. Марк с трудом стал поднимать крышку этого ящика. Она показалась ему поначалу невероятно тяжелой, и Рапок решил просто сдвинуть ее набок. После многочисленных попыток он сумел-таки подвинуть крышку, которая вдруг с грохотом сама свалилась на пол. Рапок заглянул внутрь...

Дикий крик Марка барон де Г. и его слуга слышали очень хорошо. Джоб хотел подняться и даже сделал несколько шагов к лестнице, но Мерсье остановил его:

– Мы ничем не поможем ему, Джоб. Подождем еще немного!

– Но, господин, возможно...

– Он должен справиться сам, – заметил барон. – Будем ждать.

– Что ж, будем ждать... – Джоб махнул рукою и уселся на тумбу.

Через десять минут взорам наших героев предстал сам Рапок, совершенно бледный и с блуждающими глазами. В руке он крепко сжимал свернутый холст. Взглянув на барона, Марк, не медля ни минуты, счел нужным свалиться с лестницы замертво... Когда торговца привели в чувство с помощью нюхательной соли, которую Мерсье всегда носил с собой, тот встал и, с открытой ненавистью глянув на барона, прошипел только одно слово: «Деньги!».

– Сначала я должен убедиться, что эта та самая картина, – Мерсье протянул к холсту руку.

– Деньги! – упорствовал Рапок.

– Половину! – Мерсье отсчитал пятьдесят пистолей и через Джоба передал их Марку. Тот немедленно отдал холст барону.

Мерсье взглянул на холст и, нахмурившись, быстро спрятал его к себе под камзол. Посмотрев на изможденного Марка, барон скривился и произнес: «Все верно! Получи остальное». Вторая порция награды также была передана по назначению, Джоб попутно отметил, что руки Рапока, принимавшие пистолы, сильно дрожали. Затем все, не оглядываясь, быстро выбрались из дома, и барон замкнул дверь. На улице Мерсье увидел, что Марк сильно шатается и едва ли может идти. Он приказал своему слуге проводить торговца до дома, и, как ни был раздражен и напуган Рапок, он не отказался от провожатого. После пережитого он был готов поделиться всем этим хотя бы и с Морелли, так как больше во всем Париже у него не было близкого человека. Вдвоем бывшие приятели дошли до конца улицы Могильщиков, и пропали из глаз.

Генрих Мерсье отправился домой другой дорогой, сжимая левой рукой эфес шпаги, а правой – с таким трудом добытую картину.

5. Княгиня дель Пьомбо

Было около пяти часов утра январского дня 158... года, когда Генрих Мерсье проснулся в своих креслах и нехотя поднял голову. От вчерашнего разговора с его бывшим другом маркизом де Обросьи у него остались самые скверные воспоминания. Маркиз настаивал на участии барона в очередной кампании Беарнца, а Мерсье всячески уклонялся от этой тематики. Его ум и чувства занимал последний месяц совсем иной мир, но объяснить это материалисту де Обросьи было попросту невозможно. Маркиз принял нежелание Мерсье участвовать в очередной драке за власть как трусость и едва не высказал ему это в глаза. Генрих понял, куда клонится разговор, и поспешил выпроводить своего неприятного посетителя. Теперь он размышлял, какие последствия могут из всего этого произойти.

Какой-то шорох в комнате совершенно изменил течение его мысли. Он торопливо зажег свечу и посмотрел на стену, где висело полотно в золоченых рамах, закрытое от чужих взоров тканью. Мерсье подошел к нему и снял ткань... Прелестное существо – девочка лет четырнадцати или пятнадцати с твердым взглядом синеватых глаз, черноволосая, с резкой складкой, пересекавшей чудесной белизны лоб – смотрело на Мерсье с полотна. Она была одета по моде конца XV века, ее платье напоминало одеяния итальянских княгинь того времени. В одной руке девочка держала какую-то книгу, другой – опиралась на столик чудесной венецианской работы. Возле ее ног сидела черная кошка с белым галстучной и также внимательно смотрела на потенциального зрителя. Задний план представлял собой убранство дворцовой комнаты.

Барон еще раз внимательно осмотрел портрет и вернулся к креслам. Целый год он ждал этой минуты, целый год – сразу же после прочтения завещания своего деда. И вот теперь? Он не только не чувствует себя счастливым, но, напротив, многое бы отдал, чтобы вернуть дни ожидания. Он набил трубку и закурил. Догоравшая свеча подсказывала, что стоит зажечь новую, но Генрих не торопился этого делать. Он забылся... Прошло несколько минут, а может, несколько часов. Барон с трудом открыл глаза и в ужасе пошарил рукой на столе: он испугался, что, спящий, выронил трубку с подожженным табаком. На его удивление трубка была аккуратно положена на стол и не дымила. Мерсье встал, чтобы закрыть портрет, но – рамка портрета была совершенно пуста! Генрих решил, что плохо закрепил полотно, но увидел: фон на картине остался неизменным, столик тоже был на месте, а центральная фигура пропала.

Пропала совсем... Возле ног барона появилась черная кошка, он наклонился, чтобы погладить ее, но тотчас отдернул руку! Это была не ЕГО кошка... Понимая, что он может увидеть сейчас, Мерсье замер. Из библиотеки донеслось чье-то сдержанное покашливание. Это не мог быть Джоб, он отпросился у барона на сутки и должен был появиться не раньше утра. Да и войти в дом он бы не смог, дверь была на засове. Мерсье уже догадался, кто мог кашлять в комнате, но не решался пройти туда. «Значит, все правда... В завещании – правда...» – подумал он и вытер выступивший у него на лбу холодный пот. Покашливание повторилось, барону почудилось даже, что он различил негромкий смех из библиотеки. Медлить не имело смысла: Мерсье переступил порог.

Девочка из портрета сидела за столом и перелистывала какой-то старый фолиант, кошка находилась у ее ног. Барон остановился, внимательно разглядывая оживший портрет, и кашлянул в свою очередь.

– Вы не ошиблись, сударь, в выборе средства... И вот я здесь, – сказала девочка, улыбувшись.

– Вы здесь... – подавленно пробормотал барон.

– Да это я! – ответил призрак. – Что вы, сударь, хотите сказать мне?

– Разве Вы не знаете, ваше высочество? – Мерсье приблизился к той, кого он произвел в этот сан.

– Моя смерть не позволила мне проникнуть в тайну Проклятия вашего рода, но Вы, очевидно, можете прояснить мне все это! – княжна произнесла это с чувством нескрываемого презрения.

– О, Ваше высочество, эта тайна была завещана мне моим дедом, узнал я ее лишь после смерти отца пять лет назад. Можете ли Вы презирать меня, последнего представителя нашего рода, за преступления предков?!

– Я не говорила о презрении, барон, – девочка встала и прошла по комнате, как бы разминая уставшие от долгого стояния ноги. – Но Вы должны знать, что проклятие тяготеет над проклятым родом до седьмого колена. Или до его искупления...

– Я был женат, сударыня, – Мерсье, несмотря на священный трепет, нашел нужным приблизиться к призраку. – Моя жена умерла в весьма раннем возрасте. У меня были дети, они все погибли при странных обстоятельствах... После этого я принял участие в нескольких дуэлях и весьма кровопролитных битвах, но не получил и царапины. Желая умереть, я не могу этого сделать! Разве я недостаточно искупил вину предка?

– Мне трудно слушать вас, я не понимаю! – и девочка протянула руку по направлению к Мерсье. Барон похолодел, вспомнив, что говорит с призраком, тело которого сгнило много лет назад. Но он тихо пожал руку и убедился, что она похожа на руку живого существа.

– Я должен объясниться, княгиня дель' Пьомбо, это потребует немного времени, – и Мерсье жестом пригласил княгиню присесть.

– Я внимательно слушаю, – ответила девочка, Мерсье начал.

– Мой прадед Арно Мерсье был человеком скорее энергичным, чем умным. Он начал карьеру священника, но вскоре вынужден был оставить ее из-за громкого скандала... Тогда он, видя, как Анна-де-Боже умело расправляется со своими врагами, поступил в армию Ла Тремуля и принял участие в нескольких битвах, снискав себе славу смелого воина. В августе 1494 года он был в числе тех воинов, кто шел завоевывать Неаполь для короля Карла. Вы, вероятно, помните, как французский король без единого выстрела занял Неаполитанское королевство, а итальянцы встречали его с восторгом, казня своих угнетателей... Однако в ноябре папа Александр Шестой сумел сколотить военный блок против Карла, и Венеция, Англия, Австрия и Испания выступили против нашего короля. Герцог Монпансье был назначен вице-королем Неаполе, а Карл поспешил к своему триумфу при Фернуово. Мой предок остался с герцогом и принял деятельное участие в обороне города. Тут-то и начинается история нашего позора!

– Что же, сударь, здесь и для меня началось самое важное, – промолвила через силу княжна.

– Надо сказать, что жалование дворянам выплачивали крайне нерегулярно, надеясь больше на их преданность трону, чем на корыстолюбие, – продолжал Мерсье. – Мой предок Арно Мерсье, сумевший сколотить за поход приличное состояние, стал опасаться, как бы ни потерять его, ибо на родине у него не было почти ничего. Видя, что Монпансье ведет дело крайне неумело, а де Обиньи частенько поговаривает о возвращении в Париж, Арно стал искать поручение, выполняя которое он мог бы избежать опасностей войны и вернуться во Францию. Такое поручение скоро представилось. Моему предку доверили честь сопровождать одного знатного дворянина из окружения де Обиньи на переговоры с рыбаками из залива Гаэты. Надо сказать, что эти рыбаки, промышлявшие и пиратством, были необходимы французскому гарнизону на случай поспешного отступления по морю. Из Гаэты они могли добраться до Корсики, а там до Франции – рукой подать! Арно думал воспользоваться этими переговорами, чтобы выяснить возможность личного своего отступления за соответствующую плату.

Я опускаю здесь, княгиня, моральные сентенции: такие нравы были тогда явлением весьма распространенным. Даже более знатные дворяне частенько предавали своих сюзеренов по мотивам личной выгоды в конце прошлого столетия. Впрочем, это нередко происходит и теперь... Итак, переговоры состоялись, и Арно узнал, что ему было нужно. Однако на обрат-

ном пути французы столкнулись с отрядом испанцев, завязалась драка, и мой прадед чудом сумел уцелеть. Опасаясь повторной засады, он вместе со своим слугой направился к Террачине, надеясь дождаться благоприятной ситуации и покинуть Италию. Но здесь его ждала неудача: их обстреляли местные жители, слуга погиб, а сам Арно, легко раненый, не мог продолжать свой путь, не передохнув. У него оставалась лишь сумка с самыми необходимыми вещами, мешочек с драгоценностями, в которые он перевел все свои деньги в Неаполе, и оружие. Он решил переночевать в какой-нибудь лачуге, залечить рану и вернуться в Гаэту.

Но неудачи преследовали его во всем! Хозяйка лачуги, где он остановился, предложив за свое лечение значительную сумму, донесла на него людям Цезаря Борджиа, рыскавшим неподалеку. Мерсье был схвачен и доставлен к одному из жесточайших правителей Италии. При этом его совершенно ограбили, оставив лишь одежду и сумку... Цезарь, ненавидевший французов, вторгшихся, как он считал, в его личные владения, предложил Мерсье одну из тех сделок, которые на всех языках именуются предательством. Он предложил ему вернуться к де Обиньи и сообщить ложные сведения о настроениях рыбаков из Гаэты. Арно Мерсье возразил, что те из людей, которые были на переговорах с ним, могут легко опровергнуть эти сведения, и он погибнет. Хитроумный Борджиа убедил моего предка, что никто из них не уцелел и сообщению поверят! Видя, что Арно колеблется, Цезарь добавил к словам еще сто римских скудо: сумму по тем временам значительную. Мерсье пожаловался, что был ограблен; и Борджиа пообещал вернуть его состояние, если он выполнит поручение... И мой предок, увы, навсегда покрыл позором наш славный род.

Генрих замолчал. Казалось, он дошел до самой трудной части своего повествования. Княжна, не отрываясь, следила за тем, как менялся цвет лица барона. Утро уже заявляло о своих правах, но свеча продолжала гореть. Следовало торопиться, скоро мог появиться и слуга Джоб. Барон продолжал рассказ:

– Каким образом пересеклись два наших рода, княгиня, вы, вероятно, знаете не хуже меня. Предательство Арно сделало его своим человеком при дворе Борджиа, беспорядочное отступление французского гарнизона из Неаполя скрыло многие преступления. Насколько мне известно, Франсиско дель Пьомбо, ваш отец, принадлежал к партии противников папы Александра Шестого и ненавидел Цезаря?

– Да, это так! – сверкнув глазами, сказала княжна. – Борджиа – проклятая семья, семья предателей и отравителей...

– Возможно, княгиня, Вам неизвестно, но сам Папа неожиданно умер от яда, а его сын Цезарь был убит в уличной драке, поскольку лишился всего своего состояния, – заметил с ухмылкой барон.

– Прекрасно! Божие Правосудие торжествует, – промолвила девочка и сжала пальцы правой руки. – Единственно о чем я жалею, что не могла видеть этого при жизни.

– Ваша смерть, возможно, и стала окончательным проклятием нашего рода.

– Это верно... – княжна задумалась, казалось, картины прошлого прошли перед ней своей чередой. – Когда люди Борджиа отравили моего деда, двух братьев отца и моего брата Патрицио, мой отец поклялся убить Цезаря! Эта семейка надеялась захватить наше богатство, но наш отец перевел все состояние в деньги и драгоценности и спрятал их. У нас остался только фамильный дворец да виноградники неподалеку от Рима... Захват французами Неаполя позволил врагам Борджиа объединиться вокруг герцога Монпансье, но герцог был нерешительным человеком и ничего не хотел делать без указания своего короля. Когда Неаполь пал, мой отец должен был скрыться. Мне было тогда столько же, сколько сейчас – тринадцать лет. Я жила со своей теткой да горсткой слуг в нашем дворце, когда люди Борджиа захватили нас. Я не стану вспоминать те унижения, которым они нас подвергли, счастье еще, что моя мать умерла за две недели до этого.

Не добившись от нас и наших слуг никаких признаний о месте пребывания князя, слуги Борджиа перебили наших людей, а меня с тетей привезли в Рим. Тогда я и увидела это гнусное животное Борджиа. Он, впрочем, держался с нами, как и подобает, но пригрозил, что, если я не стану приманкой для князя дель` Пьомбо, то он казнит нас позорной казнью. Тетка моя держалась мужественно и грозила Цезарю посмертными муками. Он только смеялся и говорил, что папа отпустил ему все грехи наперед... Наше заключение продолжалось полтора года. Со мной обращались сносно, хотя я предпочла бы тогда смерть плену и унижению. Тетка Мария была очень набожна и целые дни проводила в молитвах. Мне было почти пятнадцать, но я думала не о своих возникавших чувствах, а о своем отце. Я молила Бога, чтобы он явился и освободил нас. Иногда слуги Борджиа (некоторые из них даже благоволили нам) проговаривались о новых злодеяниях Цезаря: о смерти Бентиволио, об убийстве кардинала Капрара, о судьбе некоторых служанок, ставших на время наложницами Цезаря и таинственно исчезнувших после этого...

Я представляла, что мог сделать со мной Цезарь, но поклялась, что умру сразу же после того, как он попытается обесчестить меня. В апреле 1497 года я впервые услышала вести о своем отце. Князь Алессандро сумел объединить противников Борджиа и сколотил небольшое войско на юге Италии. Это были разбойники, которые, как могли, наносили вред Цезарю и его святейшему отцу... Несмотря на помощь испанцев, Борджиа не удавалось справиться с отрядом князя, так как он пользовался поддержкой у жителей Калабрии и Сицилии. Иногда нашим удавалось убить кого-нибудь из приближенных Цезаря, и они высылали его голову в подарок гнусному правителю. Борджиа несколько раз угрожал мне, что вышлет мою головку и еще кое-что в придачу князю, но почему-то не делал этого. Видимо, в его голове уже родился тот коварный план, который погубил наш род.

Однажды, когда мы с теткой возвращались из часовни во дворец, какой-то французский офицер остановил нас и быстро сунул записку мне в руку. Это была весточка от отца... Он рекомендовал нам этого офицера как преданного ему человека, готового похитить нас и привезти в Калабрию. Я не раз видела француза во дворце, и внешне он не нравился мне. Но тетка Мария убедила меня слушаться! Да у нас и не было другого выхода, честно сказать.

– Простите, княгиня, – прервал ее барон. – Этот француз и был, вероятно, мой предок... Но ведь вашего отца звали не Алессандром.

– Его звали Алессандро Франсиско дель` Пьомбо, князь Гроссето. Меня зовут Элиза Перуджина Алессандро дель` Пьомбо, княгиня Гроссето, я была последней наследницей нашего рода.

– Простите, княгиня, что прервал Вас! – барон подошел к Элизе и присел на краешек дивана, где она располагалась.

– Я продолжаю. План моего отца, который он передал через Мерсье, был очень прост. Меня должны были «похитить» во время прогулки и доставить в Кротоне, где князь взял бы меня на борт своей тартаны и отплыл на Сицилию. Тетушке тоже предлагалось спастись, но она не хотела ставить экспедицию на грань срыва, так как очень болела в то время. Она считала, что Борджиа не посмеет убить ее, так как она находилась в косвенном родстве с его братом герцогом Гандиа. О, кто мог знать, что вскоре и Жуан падет от руки этого мерзкого властителя! Итак, Мерсье просил у меня только согласия на побег, чтобы действовать наверняка. Я помолилась и дала таковое! Никто не мог знать, что этот план был во всех деталях известен Цезарю, что он хотел лишь использовать мое мнимое освобождение, чтоб свести счеты с князем Алессандро. Теперь я понимаю, почему мы так легко ушли от охранников Борджиа, покинули Рим! Все было рассчитано заранее.

Мне не хочется подробно описывать наше путешествие по объятый войной Италии. Должна заметить, сударь, что мсье Арно держался со мной подчеркнуто вежливо и исполнял мои приказания, но эта маска лживого человека и была отныне его истинным лицом! Мы миновали Казерту, Салерно и Паолу, до Кротоне оставалось не так уж далеко. И тут я, пожа-

луй, впервые почувствовала недоверие к французу... Слишком не похоже было, что он опасается чего-то, а ведь его измена Цезарю могла стоить жизни. Он часто говорил с двумя своими спутниками по-французски, но я почти не понимала этот язык. Однако все же разбирала, что речь часто идет о деньгах...

Княгиня вновь замолчала, ее живые глаза увлажнились слезами, а рука, протянувшаяся, чтобы вытереть их, задрожала. Генрих Мерсье так остро ощутил желание покончить с этими воспоминаниями, что готов был отдать за это всю остававшуюся у него жизнь. Но девочка, махнув рукой, быстро успокоилась и продолжала.

– Деньги были тем кумиром, служа которому ваш предок надеялся обрести свое счастье... Одним словом, когда возле Кротоне мы встретили посланца моего отца, я уже чувствовала, что все кончится плохо. Надо сказать, что еще раньше я вытребовала для себя острый кинжал, который Мерсье дал мне весьма неохотно, и думала, что в нужный момент сумею пустить его в ход. Мой брат Патрицио учил меня этому, когда мы были все вместе. Он говорил: «Знай, сестра, что иногда лучше умереть, чем влачить позор бесчестья!» Мерсье согласился с посланцем, что, как только тартана князя приблизится к Кротоне, он передаст меня и получит свое вознаграждение. Теперь он был очень испуган и не решался идти до конца. Посланец пообещал ему содействие князя в возвращении на родину, но Мерсье холодно встретил это предложение. Он чего-то ждал... Я никогда не забуду ту ночь, последнюю ночь моей дневной жизни. Мерсье оказался гнусным предателем, он до конца выполнил план мерзавца Борджиа.

Как только он получил деньги, он передал меня Джузеппе, бывшему нашему слуге, теперь сподвижнику отца, и попрощался со мной, но как-то необычно, с ухмылкой. На лодке, кроме меня и Джузеппе, было двое людей князя, и мы торопились к тартане, стоявшей неподалеку. Однако гроза и сильный ветер все время относили нашу лодку в сторону... Неожиданно мы услышали пушечные выстрелы: два корабля испанцев блокировали тартану и расстреливали ее теперь, не давая уйти в море. Конечно, отец мог спастись, бросив меня и своих товарищей. Но он был настоящим правителем и не мог так подло поступить. Они, наверное, все погибли... Три или четыре лодки, спущенные испанцами, чтобы добить утопающих, грозили теперь и нам. Джузеппе приказал приставать к берегу, он надеялся уйти от преследователей по суше. Но там нас ждал отряд из людей Борджиа, которым командовал... Арно Мерсье! Бой не был равным: еще до того, как мы пристали к берегу, двое из нас были ранены.

Джузеппе крикнул мне, чтобы я не сдавалась живой, но в это время пуля сразила и его. Я спрятала кинжал в рукаве платья и надеялась увидеть Мерсье в последнюю минуту. Однако, он был слишком осторожен, чтобы самому хватать меня. Понимая, что от солдат Борджиа не уйти, а мой кинжал будет ими, несомненно, замечен, я крикнула предателю, что проклиная его самого и весь его род до седьмого колена! Когда же солдаты Цезаря были в нескольких шагах от меня, я метким ударом поразила себя в сердце. Так я умерла – для людей, но не для рода Мерсье!

Княжна при этих словах резко встала и оправила платье. Мысль о месте вернула ее лицу живой румянец, губы ее были плотно сжаты, а во взоре вновь проступила твердость. Генрих, потупив голову, остался на месте.

– Я понимаю Ваши чувства, Ваше высочество. Я презираю Арно теперь не меньше вас, но без него не было бы меня, – устало сказал барон. – Впрочем, Вы пришли для своей мести... Что ж, я готов!

– Нет, барон... – покачала головой Элиза. – Я сама давно устала от своей второй жизни. Мое проклятие было исполнено, я хочу теперь успокоиться... А к Вам я не испытываю ничего дурного.

– Однако именно Вы поразили почти всех Мерсье после Арно! Вы или Ваше проклятие, не знаю... Все мои родственники, умиравшие по самым разным причинам, так или иначе видели Ваш образ перед смертью. Я прочел это в завещании, я слышал... В завещании было

написано, будто я – последний Мерсье, кто может спасти наш род, кто может остановить... Спасти будущих потомков, вымолив у Вас прощение! Впрочем, я не чувствую больше, что способен просить вас об этом.

Казалось, Элиза несколько растерялась. Ее чувства говорили, что перед ней достойный человек, но... Может ли она простить род, по вине которого погибли ее родные? Или месть прекратится после... после смерти этого последнего Мерсье, лицо которого чем-то напоминало ей лицо предателя. Княжна тихо подошла к барону и заглянула в его глаза. Генрих также внимательно и будто по-новому посмотрел на Элизу.

Послышался громкий стук в дверь, это был Морелли, торопившийся приступить к своим обязанностям. Барон сделал знак княгине, что ей нечего опасаться. Но было уже поздно: Элиза, не раздумывая, бросилась к рамам картины...

Через секунду барон вновь остался один. Проклиная слугу, он медленно пошел открывать входную дверь. Под ноги ему попала кошка, на сей раз его собственная... Он отпихнул ногой ее в сторону и снял засов. Входящий Джоб вынужден был выслушать от барона немало неприятных и обидных вещей в свой адрес.

6. Искушение

Генрих неторопливо прохаживался по своей комнате, служившей ему гостиной и кабинетом. Прошло больше двух недель с того времени, как он разговаривал с княжной из портрета, Все это время он почти не выходил из дому, надеясь вновь услышать Элизу. Но портрет молчал, он не оживал... Последние дни Мерсье уже точно не мог сказать себе, было ли явление княжны в реальности или оно было плодом его расстроенного воображения? Было почти восемь вечера. Внизу слышались переговоры раздраженного Джоба с кошкой на предмет покражи сала, свеча понемногу оплывала в светильнике. Стряпуха, нанимаемая бароном, только что ушла, приготовив изысканные блюда на завтрак.

Мерсье перенес картину к себе в комнату. Последнее время он изучил картину всю целиком, до последнего мазка. Он надеялся, что сумеет еще раз увидеть живую Элизу и услышать ее решение. Решение его судьбы! Но все было напрасно. Твердый взгляд девочки с портрета, казалось, замер с того времени, как рука художника четко отразила его. Черный кот из картины тоже ни малейшим движением не напоминал о своем недавнем земном воплощении. Генрих последний раз оглядел полотно и закрыл его тканью. Он потушил свечу и замер, прислушиваясь к движению внизу. Джоб внизу угомонился и, видимо, готовился ко сну.

Прошло еще несколько часов... Внезапно Мерсье почувствовал, что в его комнате что-то изменилось. Он с трудом открыл глаза, понимая, что княгиня Элиза где-то рядом. Барон быстро зажег свечу и заметил княжну всего в нескольких шагах от кресла. Она сделала ему знак молчать, и он сразу же подчинился ей. Спустя полчаса барон вновь попробовал привлечь внимание Элизы, но она, очевидно, пребывала в каком-то сомнамбулическом состоянии и не реагировала на его слова. Мерсье подошел ближе, взял княжну за руку и поцеловал ее. Элиза повернула к нему лицо, и Генрих с изумлением обнаружил, что она за это время постарела на несколько лет. Нельзя сказать, чтобы Мерсье испугался, но он сразу почувствовал себя как-то неуверенно. Отпустив руку княжны, он вернулся к креслу. Молчание продолжилось.

Наконец княжна привстала и нарушила странное молчание. Взглянув на барона, она спокойно произнесла: «Мне кажется, что это наша последняя встреча... Мне надо возвращаться. Хотя... Еще никогда я не чувствовала себя так, как чувствую сейчас».

– Если это касается меня, то я готов уйти! – промолвил Мерсье.

– Не могу сказать вам наверняка, Генрих, но я чувствую, что моя вторая жизнь закончится... – княгиня за все время впервые назвала барона просто по имени. – И это произойдет сегодня.

– Почему же Вы не возвращались раньше, – спросил Мерсье. – Я звал Вас, я хотел объяснить...

– Вы все сказали своей жизнью, – улыбнулась княжна. – Для Вас еще многое впереди, а для меня все сегодня заканчивается...

– Что же с Вами будет? – Мерсье волновался и подошел к ней ближе.

– Я вновь обращусь в фигуру на полотне! Без чувств и без мыслей... Моя месть окончена, значит, окончена и моя вторая жизнь.

Только теперь Мерсье осознал, что он ждал Элизу не для того, чтобы расстаться с ней... для того, чтобы быть с ней всегда. Мысль, что Элиза уйдет от него сегодня и никогда не вернется, была для него непереносима. Генрих вздохнул и неспешно подошел к столу. Он быстро наполнил стакан вином и высыпал туда из перстня какой-то белый порошок. Взяв стакан в руку, Мерсье повернулся к княжне.

– Возможно, для Вас, княгиня, это все равно, но я тоже решил уйти сегодня из жизни, – спокойно сказал барон. – Это не связано ни с местью нашего рода, ни с чем-нибудь иным. Просто, решение. И я его принял...

– Вы напрасно делаете это! – Элиза с некоторым сочувствием посмотрела на Генриха. – Уверю Вас, никакой жизни после смерти для Вас не наступит. Просто покой ...и мрак!

– Но разве жизнь не поход по мрачным путям Рока? Разве все, чего я достиг, не было отнято у меня за какие-то прошлые дела бывших людей? Я хочу спросить у Всемогущего: зачем же мне жизнь, если я не знаю, что произойдет со мною завтра!

– Вы пугаете меня, барон, – торопливо произнесла Элиза. – Невольно я стала роком для Вашей семьи, но я видела только образ Арно Мерсье и мстила ему, а не лично Вам!

– Но наказан был я, не так ли?

– Да это так, – с горечью произнесла княжна. Она выглядела теперь совсем беззащитной, потерянной женщиной. Черты лица ее исказились судорогой, казалось, она еще немного, и она заплачет.

– Тогда, после трагической гибели моих невинных сыновей, я решил свести счеты с жизнью. Ни поддержка друзей, ни похвалы короля не могли заставить меня смириться с этой утратой. Именно тогда отец призвал меня к себе и объяснил, в чем дело... Я решил жить, чтобы снять проклятие рода навсегда. Но теперь мне все равно! И более того, мне еще больше хочется не быть.

– Именно сейчас? – прошептала княжна.

– Именно сейчас! – сказал барон.

– Почему же? – спросила княжна, со страдальческим выражением посмотрев на барона.

– Почему? Ровно пять лет назад умер мой отец. Да, он рассказал мне историю нашего проклятия, но он же и не считал нужным познакомить с завещанием деда, которого звали, как и меня, Генрихом. Эта забывчивость стоила жизни моим детям и детям моего брата! Я многое дал бы, чтобы прозреть именно тогда, а не год назад... Было уже слишком поздно.

– Что же было в завещании?

– Очевидно, мои прадед Арно, оказавшись во Франции, недурно устроился, но проклятие не давало ему спокойствия. Он обратился к колдунам и хиромантам, и они что-то посоветовали ему... Насколько я помню, совет был прост: найти этот портрет и уничтожить его. Тогда Арно стал тратить большие деньги на розыски портрета, едва не оставил нищим моего деда. Он все же нашел его... Но, как рассказывали...

– В ту минуту, когда Арно Мерсье занес руку, чтобы превратить мой портрет в лохмотья, провидение лишило его жизни.

– Вы называете провидением себя?

– Нет, я была только его орудием...

– После смерти прадеда Генрих Мерсье постарался продать тот дом, где умер Арно, но, кажется, так и не смог этого сделать. Он ничего не знал о проклятии рода, так как подлец Арно не считал нужным рассказать о своих преступлениях; он умер, не сказав никому ни слова... Для деда Генриха жизнь представлялась сносной, он верно служил Бурбонам, получал от них награды и почести. Он удачно женился и вскоре стал отцом троих детей. Никто не мог сказать о нем ничего плохого, сам он был человеком набожным и свято верил в своего Бога... И вдруг все пошло не так.

– Бог есть только один! – сказала Элиза, твердо посмотрев на барона. Тот, однако, не отвел в этот раз взгляда.

– Я не разделяю ни убеждений папистов, ни фанатизм протестантизма. Но я верю в предопределение, моя судьба тому яркое свидетельство! Впрочем, я продолжу...

– Я внимательно слушаю, – кивнула Элиза.

– Сначала в религиозных войнах погиб старший сын Мерсье Франциск – надежда и опора семьи, затем от непонятной болезни угасла дочь Генриха Мария. Мой дед задумался над этими ударами судьбы, стал усердно молиться, но, видимо, Богу в то время было не до него...

– Вы богохульствуете, Генрих! – воскликнула княжна.

– Ничуть, – спокойно ответил Мерсье. – Я констатирую истину. Младший сын моего деда и был мой отец, его тоже звали Арно... Впрочем, это обычай в Наварре – давать внуку имя деда.

– Ваш дед действительно был порядочным человеком, судьба оставила ему сына... И род Мерсье не угас... тогда.

– Это было очень любезно с вашей стороны, – язвительно прибавил барон. – Несколько продлить страдания рода, который можно было уничтожить пятьдесят лет назад... Впрочем, с Провидением ведь не судятся, оно и судья, и палач в одном лице. Дед отправил моего будущего отца Генриха в Милан – к другу, потом они переехали во Флоренцию. Все это время из Арно усердно делали юриста, но это вовсе не пошло ему на пользу.

Сам же дед, забросив все остальные дела, ночами просиживал над бумагами своего отца; он догадался, что источник несчастий в прошлом его родителя. Был он большой ценитель поэзии... «*Дрот метнуть в Перигоре до врат хватит ли сил мне под тяжестью лет?*» – я навсегда запомнил эти строчки Бертрана из его уст. Прошли годы, прежде чем он восстановил всю цепь событий, приведших к Вашему проклятию, княгиня! Это был, видимо, счастливейший день его жизни, он поверил, что может спасти своего сына и меня, так как я уже родился... Но довериться моему отцу он не захотел, Арно-младший был чересчур беззаботным человеком и в чем-то унаследовал неразборчивость в средствах для достижения успехов. Мой дед лишь рассказал ему о проклятии рода Мерсье и сообщил, что средство противостоять этому он укажет в завещании. После этого он приехал в Париж, вошел в тот самый дом, где Вы томились так долго, и... Впрочем, вы знаете, как он умер, лучше меня.

– Никто из вас не мог дотронуться до холста, чтобы его в ту же минуту не поразило провидение. Ваш дед хотел уничтожить меня, я лишь защищалась, как могла, – княжна хмуро смотрела на Генриха. – Но Вам я дарую жизнь, Вы этого заслужили! Проклятие исполнено, мне нечего больше делать здесь...

– Жизнь мне уже не нужна, – барон встал и прошелся. – Мне лишь остается закончить свое повествование. Скоро рассвет, Вы уйдете вместе с ночью, как это бывает в старинных песнях, не так ли?

– Да, барон, это так.

– У моего отца было двое сыновей, но мой брат Жан не прожил и десяти лет. Кажется, отец до конца жизни не верил, что он тоже жертва проклятия. Ведь он скончался в окружении родственников и домочадцев... А потом все опять началось, уже для меня! Скажите, разве невинные дети обязательно отвечают за грехи своих родителей? Или они продолжение цепи случайностей, которые именуются жизнью рода?! Скажите, княгиня?

– Разве не задавала я себе тот же вопрос, когда Борджиа держал меня как заложницу? Да, дети отвечают за грехи своих родителей, страдают за их преступления.

– Иного ответа, княгиня, я и не ждал от Вас... Смерть обоих сыновей заставила меня перерывать бумаги отца, и я с изумлением нашел завещание деда. Оно, как ни странно, было обращено ко мне. Там я узнал, как можно прекратить эти мучения... Возможно, я действовал осторожно, но верно...

– Жаль, что я не узнала Вас раньше, Генрих! – воскликнула Элиза. – Но Вы еще совсем не стары, Вы снова женитесь, еще будут дети. Будьте же счастливы с ними! Прощайте! Я уйду из вашей жизни навсегда...

– Нет, подожди! – барон подбежал к Элизе и упал перед ней на колени. – Я не хочу покупать жизнь такой подлой ценой! К тому же я не могу жениться на женщине, если не полюблю ее.

– Что же тебе мешает? – Элиза взяла в свои руки голову Генриха и посмотрела ему в глаза. Казалось, она едва сдерживает слезы.

– Ты! – тихо, но твердо сказал Мерсье.

– Я уйду и уже не вернусь, – Элиза отстранилась от барона.

– Это и есть причина. Я, так уж вышло, полюбил тебя... и хочу быть с тобой всегда.

- Но это совершенно невозможно, Генрих. Я неживая.
- Я тоже давно уже не живу, – барон попытался обнять княжну.
- Подожди, пожалуйста, подожди, Генрих!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.